

Елена Ха

Призрак графа Шереметева

Елена Ха

Призрак графа Шереметева

<https://litres.ru/51851278>

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-06885-8

Аннотация

Паша влюблен в красавицу Лиду, а за ним по пятам бегают Нюта. Парень уже привык так жить, и тут неприступная красавица предлагает ему встречаться, но ставит жестокое условие. Паша оказывается на перепутье! Никто не может указать ему верную дорогу. Никто, кроме призрака...

Содержание

Ворона за окном или синица под боком	4
Любой ценой	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Елена Ха

Призрак графа Шереметева

Ворона за окном или синица под боком

Серое небо печально роняло на хлюпающую землю то ли снег, то ли дождь. У Пашки давно промокли ботинки, но он не обращал на это внимание, любуясь идущей впереди Лидой. Её светлые волосы от влажности липли к белоснежной коже. Жаль он не догадался взять зонт. Сейчас бы шёл рядом и прикрывал её от непогоды...

Бок о бок с ним, не замолкая ни на минуту, почти бежала Нюта. Она делилась с Пашей своими ожиданиями от предстоящей экскурсии.

– Это просто потрясающий музей! Нам в музыкальной школе о нём рассказывали и настоятельно советовали посетить. Я давно хотела, но одной как-то неинтересно, с классом веселее. Там есть такие редкие экспонаты, такие забавные и необычные инструменты!

Девочка аж подпрыгивала от нетерпения, и куцый помпон на её мокрой серой шапке скакал в такт движениям. Пашка девочку не слушал. За последние три месяца он уже привык, что Нюта где-то рядом и постоянно что-то ему рассказывает. Голос, надо сказать, у нее был вполне мелодичным, не было в нём визгливых раздражающих нот, не зря она занималась в хоре.

Аня Кузнецова пришла к ним в класс в начале учебного года, и тут же стала круглой отличницей, её любили все учителя за усердную работу, за отсутствие косметики и яркого маникюра, но больше всего за неизменную улыбку. Нюта улыбалась всем и всегда. Если ей грубили, она улыбалась примирительно, если хвалили – смущенно, благодарили – приветливо. Казалось, у неё есть улыбки на все случаи жизни. Нютины глаза не поражали своей глубиной и выразительностью, они были маленькие, серые, в обрамлении редких и коротких ресниц, но в них было столько наивной радости и готовности восторгаться миром, что невольно хотелось последовать её примеру. Пепельно-русые волосы девочки, как правило, были убраны в жалкий хвостик, слишком уж короткими и тонкими они были. Нечего и сравнивать с пышным конским хвостом Лиды!

Если поставить двух девочек рядом, не за что не скажешь, что они одноклассницы. Лида была высокой статной девушкой. Её фигура уже вполне сформировалась и приобрела очень даже выразительные очертания. Нютя рядом с ней ка-

залась пятиклассницей: маленькой и щуплой, только щеки неизменно круглились от улыбки.

Пашке льстили восхищенные взгляды Нюты. Себя он считал обычным парнем среднего роста с едва уловимым пушком над верхней губой. Его непослушные тёмно-каштановые волосы постоянно топорщились в разные стороны. Парень не любил свой широкий нос, но большие карие мамины глаза ему нравились. Может быть, из-за них Нюта в него влюбилась...

Сначала от её неусыпного внимания ему было неловко. У него начинали потеть руки и болеть голова, когда он представлял, как будет отказывать ей, но Нюта ничего не требовала.

От пошлых шуточек друзей он постоянно краснел, как рак, и от этого только больше бесился. Правда, Паша быстро сообразил – парни просто завидуют, ведь ни у кого из них не было такой преданной поклонницы.

В конце концов, Пашка смирился. Нюта, конечно, его иногда доставала своей бесконечной болтовнёй, но в дружбе с ней были неоспоримые преимущества: она всегда знала, что задано, могла помочь с домашкой, и даже давала списывать на контрольных. К тому же, она не мешала ему любоваться Лидой, зато делала его особенным на фоне других парней...

По набережной Фонтанки гулял колючий ветер, на Питер опускались осенние сумерки, хотя было ещё только начало четвертого – в конце ноября дни стремительно коротки.

10 «В» гуськом вразвалочку не особо торопясь шел к роскошному дворцу одного из самых богатых и знаменитых родов России – Шереметевых. Там их ждала экскурсия в Музее музыки.

Пашка никогда не интересовался музыкой, но Мария Петровна, их классная, чтобы как-то воодушевить детей, рассказала им о семейном скандале Шереметевых: один из графов женился на своей крепостной – талантливой актрисе и певице собственного театра. Павла эта информация по-мальчишечьи заинтересовала. Он сразу представил себя графом, а Лиду крепостной. Из неё получилась бы великолепная актриса. На ней не то что граф, сам император женился бы!

– Так дети, проходите в гардероб, снимайте верхнюю одежду, надевайте бахилы и спокойно ждите одноклассников, – командовала классная, делая ударение на слове «спокойно».

Пашка быстро разделся. Пока Ньюта путалась в своем тяжёлом тёмно-коричневом пальто и длиннющем шарфе, парень бросился к Лиде, подхватил её легкий короткий пуховичок нежно-бирюзового цвета и сам отнес его в гардероб. Девушка благосклонно ему улыбнулась и спросила:

– Паш, я прям поражаюсь твоему терпению! Если бы за мной постоянно бегали с такой щенячьей преданностью в глазах, я бы уже давно в грубой форме задала направление движения. А тебе не надоела твоя собачонка?

– Не особо, – буркнул парень.

– Так вы встречаетесь? – с ехидцей спросила Лида.

– Ещё чего! Она просто ... – возмутился Паша, но так и не смог объяснить, кто же для него Нюта.

– А хочешь со мной встречаться? – спокойно спросила Лида и невозмутимо посмотрела парню прямо в глаза.

У Пашки перехватило дыхание, сердце застучало где-то в области висков. Но он старался даже виду не показать, что этот простой вопрос взорвал его вселенную.

– Да, – как можно спокойней ответил счастливый влюбленный.

– Отлично! Я тоже не против, – ответила Лида и кокетливо улыбнулась.

Пока Пашка абсолютно счастливо пялился на неё, девочка добавила:

– Но ты должен доказать, что Аня для тебя ничего не значит.

– Как?

– Мммм... Пусть при всём классе признается тебе в любви, а ты громко, чтобы мы все слышали, пошли её куда подальше.

Пашкино сердца пропустило пару ударов. Недоумение и разочарование обожгли глаза до слёз. Пришлось часто поморгать, чтобы затолкать их обратно в слёзные железы. Парень, как в первый раз, посмотрел на стоящую перед ним девушку, красивую, нежную, заглянул как можно глубже в прозрачно-голубые глаза, пытаясь прочитать её мысли.

– Зачем тебе это? – тихо спросил парень.

– Меня раздражаю её вечные улыбки. Ходит и везде, как дура, улыбается. А её ещё умной считают! – спокойно, с легкой иронией ответила Лида.

– Я подумаю, – безжизненным голосом ответил Паша.

– Ты должен сделать это сегодня во время экскурсии, иначе боюсь, у нас с тобой ничего не получится.

Сказав это, Лида развернулась, взмахнув веером своих светлых пышных волос, и последовала за экскурсоводом. За ней потянулся шлейф из смеси цветочных ароматов. Впервые Паше показалось, что Лида пахнет удушающе сладко.

Класс водили по большому залу с разнообразными музыкальными инструментами, что-то рассказывали, показывали и даже давали послушать, но Паша ничего не видел и не слышал, в ушах его шумело, в голове пульсировала боль. Он смотрел на Лиду, которая пару раз ему подмигнула, и не понимал, как она могла просить о таком, смотрел на Нюту, которая с жадностью ловила каждое слово гида, и понимал, что не хочет обижать эту девочку. А ещё его мучали сомнения: если он не выполнит условие Лиды, то у него самого могут начаться проблемы.

Пашка знал, в эту красавицу влюблены практически все одноклассники, и если она начнет их подначивать, то их прежние шуточки покажутся ему детским лепетом.

Класс повели на второй этаж, где должен был состояться небольшой концерт. Паша плёлся в самом конце, от пережи-

ваний парня мутило. Он так сильно отстал, что весь класс успел зайти в зал, двери закрылись, а Паша остался один на лестницы. Он уже трусливо начал подумывать, не сбежать ли ему домой, как вдруг где-то рядом послышался детский плач.

**

Паша прислушался. Действительно за дверью, что была в дальнем конце лестничной площадке, кто-то безутешно рыдал.

Из зала, в котором скрылся 10 «В», раздались первые звуки тоскливой мелодии. За окном уже было темно, освещение лестницы почему-то выключили, и только свет фонарей с набережной разбавлял вечерний сумрак, приоткрывая Пашке ориентиры в пространстве.

Парень замер в нерешительности на последней ступени, с одной стороны ему нужно было идти к классу, с другой, плач уже перешел в тихий скулеж, а нерадивой мамыши, чей сын рыдал в соседнем зале, не наблюдалось. Перед парнем встал непростой выбор: пойти слушать тягучее завывание скрипки или попробовать утешить малыша. Оба занятия не сулили удовольствий. На одной чаше весов оказались помощь ребенку, на другой – заунывное сидение в одном, пусть и просторном, зале с Лидой и Нютой, перевесила помощь.

Паша решительно зашагал на звуки детских страданий.

Двери, за которыми раздавались всхлипы, оказались тяжелыми. Пришлось приложить максимум усилий, чтобы они

бесшумно отворились и пропустили парня в темный зал, увешанный картинами. Из позолоченных рам в темноту величественно взирали солидные мужчины и загадочные женщины. В центре стоял черный рояль, на котором горела одинокая свеча в простом подсвечнике в форме блюда. Вокруг все как будто пропиталось вязким запахом расплавленного воска. Рядом с изящным инструментом на черном табурете с витиеватыми ножками сидел кудрявый малыш лет шести. Пухлыми ручками он тер нос и глаза. Кожа мальчика была не просто бледной, она имела синюшный оттенок, как у зажеванной курицы.

– Малыш, что случилось? Почему ты здесь совсем один и плачешь? – спросил Паша.

– Меня зовут Митя. Мой батюшка сегодня умер.

«Вот я влип!» – подумал Паша. Одно дело утешать ребенка, когда у него что-то болит или потерялось, или он сам потерялся. Пашка никогда не сталкивался со смертью и не знал, что можно сказать в такой ситуации.

– А где твоя мама? Давай, я отведу тебя к ней, – нашёл парень. Он был горд собой: не растерялся, и возможно даже сможет помочь этому темноволосому несчастному ангелочку. Митя сидел, поджав под себя ноги, прилежно сложив ручки на бежевых штанишках, и нервно теребил край своей белоснежной рубашки. Почему-то после простого Пашкиного вопроса ребёнок почти перестал всхлипывать и уставился на собеседника, практически перестав моргать.

Паша отметил про себя, что губы и глаза малыша распухли от слез, но они по-прежнему оставались бледными, не покраснев ни на полтона.

– Матушка умерла на двадцатый день после моего рождения, – после длительной паузы ответил Митя, – Она была актрисой, и у неё был волшебный голос. Батюшка не раз говорил, что слышит его в коридорах этого дома даже после её смерти. И я тоже слышу. Она поет мне колыбельные по вечерам.

Доверительный рассказ ребёнка окончательно выбил Пашку из колеи. Перед ним сидел очаровательный шестилетний круглый сирота, у которого случаются слуховые галлюцинации, и, по всей видимости, это наследственное.

«Но хорошо то, что он перестал плакать», – тут же подбодрил себя парень.

Малыш продолжил смотреть на неожиданного собеседника своими огромными серыми глазенками. Он как будто просил о помощи, но что делать Пашка не знал.

Тут Митя осторожно слез с табурета и побежал к двери, неприметно затерявшейся в стене напротив большого окна. Мальчик оказался босым. Паша постоял несколько секунд в растерянности, а потом последовал за ребёнком. Зачем, он и сам не понимал.

Паша выбежал из зала, впереди мелькал еле уловимый силуэт Мити, в какой-то момент парню показалось, что малыш, бегущий впереди, растворяется в окружающем полумраке.

Но шлепанье босых ног по старинному паркету, и белая рубашка мальчика помогли Паше не отставать. Митя взбежал по совсем непарадной лестнице на третий этаж, как маленький ураган, пронесся по узкому коридору и скрылся за простой светлой дверью.

Паша, не раздумывая, вбежал следом и чуть не столкнулся со своим ровесником. Выглядел тот как-то странно: взлохмаченные темно-русые волосы и черные брюки были вполне типичны для подростка, а вот рубашка на незнакомом парне была явно позаимствована им у прадедушки или у театрального костюмера. Больше всего в глаза Пашке бросилась осанка незнакомца. Они стояли друг напротив друга, два шестнадцатилетних парнишки примерно одного роста и телосложения, но Паша со своей сутулой спиной и понурыми плечами сам себе показался ничтожеством рядом с этим вытянутым в струну юношей. Незнакомец держал спину так прямо, будто проглотил шпагу и теперь боялся лишний раз пошевелиться, чтобы шпага не пронзила насквозь его кишки.

Паше незнакомец показался невероятным гордецом.

– Что вы делаете в моей комнате, сударь? И куда так спешите?

Паша осторожно осмотрелся. Он явно оказался в чьей-то спальне, потому что кроме кровати здесь почти не было другой мебели. В комнате сильно пахло пылью и едва уловимо – протухшими яйцами. По светлым стенам без картин и прочих украшений бегали жутковатые тени, все из-за игры лун-

ного света в ветвях голых деревьев за окном. Пронзительно завывающий ветер успел разогнать тучи, и почти полная луна легко справлялась с освещением небольшого пространства, может быть, поэтому здесь не горело даже маленькой свечки. Мити нигде не было видно.

– Простите за беспокойство. Я искал Митю, – извинился Паша.

– Вы его нашли. Позвольте представиться – граф Дмитрий Николаевич Шереметев.

**

– С кем имею честь? – с подозрением рассматривая десятиклассника поинтересовался юноша, только что назвавшийся графом.

– Павел, – представился на автомате парень. Он несколько раз моргнул, пытаясь собраться с мыслями и обреченно подумал: «Кто-то из нас сошёл с ума». Но присмотревшись, окончательно пал духом, потому что его ровесник был белее свежесвыпавшего снега, под глазами его залегли глубокие тени, и он светился так, как если бы лунный свет проходил сквозь его тело.

«Да ведь это же сын того графа, что женился на крепостной!» – неожиданно даже для себя вспомнил Пашка.

– Так что вам угодно, сударь? – спросил юный граф.

– Простите, я, кажется, ошибся, – проямлил парень, отступая к двери.

Дмитрий нахмурился, у Паши похолодело всё внутри, сер-

дить призрака ему не хотелось.

– И всё же извольте рассказать о цели ваших поисков, а я уж сам решу, ошиблись вы или нет!

– Я искал не Вас, а мальчика лет шести, Митю, у него умер отец, и он плакал. Я хотел убедиться, что он в порядке, – выпалил Паша, от страха у него отказался работать мозг, и он не смог придумать ничего вразумительного, поэтому сказал правду.

Повзрослевший Митя нахмурился.

– Это какой-то очередной розыгрыш? Кто подослал вас сударь? Кого мне вызвать на дуэль? – сквозь зубы практически прорычал Дмитрий Николаевич.

– Нет-нет, меня никто не посылал, я, кажется, заблудился... – окончательно растерялся Паша.

– Уходите, – тихо сказал граф и отвернулся к окну. Пашка с удивлением заметил, как плечи Дмитрия Николаевича опустились и вздрогнули, будто их хозяин пытается сдержать рыдания.

– С Вами всё в порядке? – растеряно глядя на светящуюся фигуру спросил Паша. Ему в этот момент стало трудно дышать. Воздух вокруг стал вязким и сырым, так что двигаться стало практически невозможно, а на сердце заскребли все кошки Петербурга разом. Парень тут же пожалел, что полез с расспросами к приведению.

– Подите прочь, я сказал!!! – заорал юный граф, резко развернувшись к Паше, черты его лица заострились, брови со-

мкнулись у переносицы, глаза сверкнули нечеловеческим огнём. За окном перепуганные вороны громко захлопали крыльями, закаркали и разлетелись в разные стороны. В вязкой тишине комнаты их скрипучий гомон прозвучал громче грома, сердце Паши затрепетало быстрее крыльев этих вестниц смерти.

Парень пошатнулся, у него закружилась голова, и перехватило дыхание. Призрак это заметил и тут же взял себя в руки, в буквальном смысле, обхватил своими изящными ладонями себя за плечи и глухим, будто из могилы голосом, проговорил:

– Простите, сударь, кажется, я напугал вас. Обычно я веду себя предельно сдержанно. Привык на оскорбления и шуточки отвечать улыбкой. После смерти батюшки, я был совершенно одиноким ребёнком. Родня отца видела во мне сына крепостной, они презирали меня за то, что мой отец пренебрег их мнением, их представлениями о жизни, пошёл ради своей любви наперекор обществу, друзьям, и эти же люди не давали мне общаться с моими родными по материнской линии, считая их недостойными общества графа. Я жил сам по себе, без любви и заботы близких. Да еще и под постоянным градом насмешек. Иногда мне казалось, что моя жизнь никому не нужна и не имеет смысла, а зачем тогда мучится, не лучше ли порадовать надменную родню своим уходом. Не знаю, что бы со мной стало, если бы не император. Он был добр ко мне еще до моего рождения, дал согласие на брак

моих родителей, так что благодаря ему я сейчас граф, а не очередной господский байстрюк. И он же дал мне хороший совет: улыбаться всем с надменной благожелательностью и не замечать насмешек. Я последовал императорскому совету. Вечерами мне порой кажется, что улыбка навсегда приклеилась к моему лицу. Но жить действительно стало проще: наглцы перестали видеть во мне ранимого мальчишку и спрятали свои ядовитые жала. Если они и продолжают источать свой яд, то уже за моей спиной, и меня это не задает.

– Я вам сочувствую, – немного с опаской сказал Паша. Ему искренне было жаль юного графа. У Паши были друзья в классе, и то ему пришлось нелегко, когда над ним смеялись из-за Нюты... И тут он представил какого будет этой девочке, когда он посмеется над ней с ее открытыми на распашку первыми чувствами да еще перед всем классом. В этот момент ему стало нестерпимо страшно за Аню. Ей и так приходилось нелегко – в отличие от Пашки у нее не было в классе подруг. Парень вообще сомневался, что девчонки могут дружить по-настоящему.

Неожиданно у Пашки зазвонил мобильник. Пока он пытался извлечь его из заднего кармана джинсов, граф исчез. На экране телефона гневным красным цветом горело имя учительницы. Паша выскочил из комнаты и, уже спускаясь по лестнице на второй этаж, ответил на звонок.

– Где тебя носит, Соболев? – раздался в трубке строгий голос классной.

– Мария Петровна, простите, я пошел искать туалет и заблудился.

– Мы все только тебя ждём! – раздраженно бросила учительница и закончила разговор.

Оказавшись на втором этаже, парень удивленно отметил, что во всех залах и коридорах горят многоярусные хрустальные люстры. Стоило ему сделать пару шагов, как рядом оказалась строгая женщина средних лет в сером костюме. Она в категоричной манере потребовала у парня присоединиться к своему классу, очень доступно объяснив ему дорогу.

В гардеробе с его курткой в руках стояла, встревожено улыбаясь, Нюта. «Она беспокоилась обо мне...» – подумал Пашка и с удивлением понял, что очень рад ее видеть. А еще парень не мог не заметить, что от Нюты пахнет чистотой, никаких навязчивых ароматов.

По дороге домой Паша даже почти внимательно выслушал её эмоциональный рассказ о виртуозном исполнении музейными музыкантами какой-то там симфонии, которую сама Нюта пыталась играть на фортепьяно, но у неё ещё пока ничего не получалось. На Лиду парень взглянул всего один раз. Её плотно сжатые в презрительной усмешке губы и грубые рубленые фразы, которыми она бросалась в подруг, убедили его, что сегодня он растревожил черного ворона за окном, зато смог сохранить синичку за пазухой.

Любой ценой

Приближался Новый год. Витрины магазинов раздражали яркими гирляндами, веселыми Санта-Клаусами и пёстрыми ёлками. Лида была зла на весь мир. После злосчастной экскурсии в музей Музыки Пашка перестал на неё даже смотреть. А ведь раньше она постоянно чувствовала его взгляд. Мальчишка молча любовался ею издалека, всегда был готов поднести портфель, занять очередь в буфет и даже подежурить по классу вместо неё. Он ничего не просил взамен, не ныл о своих чувствах, не хвастался липовыми подвигами. Пашка был сдержан, вежлив и предан. Настоящий мужчина, может быть этим он её и зацепил. Не то чтобы он нравился Лиде, скорее ей нравилось его немое восхищение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.